

DOI 10.15826/qr.2023.4.855

УДК 82–941 + 94(495) + 821.14 + 347.78.034 + 27–67 + 316.7

**Античное наследие в «Книге о соборе»
Газского митрополита Паисия Лигарида:
посвящение русскому царю***

Светлана Севастьянова

Институт филологии Сибирского отделения РАН,
Новосибирск, Россия

**Ancient Heritage in the *History of the Synod* by Paisius Ligarides,
Metropolitan of Gaza: Dedication to the Russian Tsar****

Svetlana Sevastyanova

Institute of Philology,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia

The *History of the Synod*, compiled at the beginning of 1667 by Paisius Ligarides, Metropolitan of Gaza († 1678), shortly after the condemnation of Patriarch Nikon († 1681) at the Great Moscow Synod (1666), has long attracted the attention of researchers. However, it is studied without involving the Greek text and its complete translation into Russian. The arrangements made between the middle and second half of the nineteenth century differ from the original in their selectivity and inaccuracy. The anonymous Russian translation, short and unprofessional, resembles a free paraphrase; in comparison with the Russian version, the English one, belonging to the British theologian and historian W. Palmer († 1879), is closer to the original in content. However, it omits complex phrases and designations of culture-specific Russian elements and contains the translator's comments. The stumbling block for interpreters was Ligarides' appeal to Antiquity, a literary device that characterises the writer's style in the Moscow period of his life (since 1662). Appeals to ancient authors and writings and techniques dating back to

* Статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 22-28-00153 «Сочинение Газского митрополита Паисия Лигарида о суде над патриархом Никоном: перевод и исследование».

** Citation: Sevastyanova, S. (2023). Ancient Heritage in the *History of the Synod* by Paisius Ligarides, Metropolitan of Gaza: Dedication to the Russian Tsar. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, no. 4. P. 1414–1431. DOI 10.15826/qr.2023.4.855.

Цитирование: Sevastyanova S. Ancient Heritage in the *History of the Synod* by Paisius Ligarides, Metropolitan of Gaza: Dedication to the Russian Tsar // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, no. 4. P. 1414–1431. DOI 10.15826/qr.2023.4.855 / Севастьянова С. Античное наследие в «Книге о соборе» Газского митрополита Паисия Лигарида: посвящение русскому царю // *Quaestio Rossica*. Т. 11, № 4. С. 1414–1431. DOI 10.15826/qr.2023.4.855.

ancient rhetoric are scattered throughout the *History of the Synod*, but there are many of them in the dedication to the client, Tsar Alexei Mikhailovich. This article considers the problem of ancient heritage in the *History of the Synod* with reference to this introductory section. An analysis of the content of his three themes – the idealisation of Antiquity, the appointment of history and the dignity of the ruler – helps reveal the significance of ancient culture and mythology to the writer. The appeal of the Metropolitan of Gaza to the classical heritage correlates with didactic and educational tasks. Ligarides supported the messianic idea, popular with the Greek clergy, about the significance of Moscow – the heir of Rome and the ruler of Moscow as the liberator of Christian peoples from the Muslim yoke. Approving the Byzantine model in the issue of separation of powers, according to which the secular ruler was an absolute monarch, Ligarides oriented Alexei Mikhailovich to follow the example of the rulers of the ancient era, who had the virtues of the king-creator, triumpher, and enlightener. Encouraging the Russian elite to become more familiar with the ancient heritage and thus contributing to the Europeanisation of court culture, the Metropolitan brought closer the situation called the antiquity of Russian culture by philologists.

Keywords: Paisius Ligarides, Metropolitan of Gaza, *History of the Synod*, Tsar Alexei Mikhailovich, ancient heritage, appeal to Antiquity as a literary device, antiquity of Russian culture

«Книга о соборе», составленная в начале 1667 г. митрополитом Газским Паисием Лигаридом († 1678) вскоре после осуждения патриарха Никона († 1681) на Большом московском соборе (1666), давно привлекает внимание исследователей, однако изучается без привлечения греческого текста и без полного его перевода на русский язык. Выполненные в середине – второй половине XIX в. переложения отличаются от оригинала избирательностью и неточностью. Русский анонимный перевод, краткий и непрофессиональный, напоминает свободный пересказ; английский, принадлежащий британскому богослову и историку У. Палмеру († 1879), в сравнении с русской версией ближе к оригиналу по содержанию, однако в нем пропущены сложные обороты и обозначения специфических русских реалий, в то же время он снабжен комментариями переводчика. Камнем преткновения для интерпретаторов стали обращения Лигарида к Античности – литературный прием, характеризующий стиль писателя в московский период жизни (с 1662 г.). Апелляции к древним авторам и сочинениям, восходящие к античной риторике технические приемы рассыпаны по всей «Книге о соборе», но особенно много их в посвящении заказчику, царю Алексею Михайловичу. В статье проблема античного наследия в «Книге о соборе» рассмотрена на примере этого вступительного раздела. Анализ содержания трех его тем – идеализация Античности, назначение истории и достоинства правителя – помогает раскрыть значимость античной культуры и мифологии для писателя. Обращение Газского митрополита к классическому наследию связано с дидактической и просветительской задачами. Лигарид поддерживал популярную в среде греческого духовенства мессианскую идею о значении Москвы – наследницы Рима и московском правителе как освободителе христианских

народов от мусульманского ига. Утверждая в вопросе разделения властей византийскую модель, в соответствии с которой светский правитель являл абсолютного монарха, Лигарид ориентировал Алексея Михайловича на то, чтобы брать пример с правителей древней эпохи, обладавших добродетелями царя-созидателя, триумфатора и просветителя. Побуждая русскую элиту к более широкому знакомству с античным наследием и внося таким образом вклад в европеизацию придворной культуры, митрополит приближал ситуацию, названную филологами антикризацией отечественной культуры.

Ключевые слова: митрополит Газский Паисий Лигарид, «Книга о соборе», царь Алексей Михайлович, античное наследие, обращение к Античности как литературный прием, антиквизация русской культуры

«Βιβλίον συνδικὸν περιέχον τὰ κατὰ Νίκωνος πατριάρχου Μοσχολίας ὑπὸ Παΐσιου μητροπολίτου Γάζης, ἀνατεθὲν τῷ αὐτοκράτορι πασῶν τῶν Ῥωσσιῶν Ἀλεξίῳ Μιχαήλοβιτς, ἐν ἔτει 1668» («Книга о соборе, содержащая сочинение Паисия, митрополита Газского, против Никона, патриарха Московского, представленная императору всея России Алексею Михайловичу в лето 1668»³, далее – «Книга о соборе») занимает в письменном наследии Газского митрополита Паисия Лигарида (1610–1678) особое место. Находясь в России с 1662 г., этот знаменитый церковный деятель стал одним из главных организаторов и участников суда над патриархом Никоном (1605–1681) с присутствием на нем восточных архиереев (1666). По поручению царя Алексея Михайловича Паисий вел записи о работе Большого Московского собора, которые легли в основу произведения. Оправдывая свою причастность к осуждению патриарха-грекофила, Паисий уже в апреле 1667 г. завершил работу. Через год русский перевод был поднесен царю. Ни греческий оригинал с автографом Лигарида, ни первое русское переложение с него не сохранились.

Из пяти списков русского переложения середины – второй половины XIX в. для изучения доступны четыре (кроме хранящегося в Киеве в портфеле А. Н. Муравьева). Три копии связаны с Московской духовной академией (далее в ссылках – МДА): [ОР РГБ. Ф. 173.IV (МДА. «Прочие»). № 64, 69; Ф. 172 (МДА. Архив). № 22]. Они содержат перевод в следующем объеме: № 64⁴ и 22 – первой части, № 69 – пер-

³ Перевод названия «Книги о соборе» с греческого языка на русский сделан П. А. Рылик. Благодарим исследовательницу за возможность работать с подготовленным ею, но еще не опубликованным переложением текста произведения. Здесь и далее цитаты на греческом языке приведены по ркп [Библиотека Руминской академии. № 371 (675)] в орфографии оригинала. Указание на листы приводим в квадратных скобках с пометой «РА».

⁴ В дальнейшем русский перевод середины XIX в. приводится по ркп [ОР РГБ. Ф. 173.IV (МДА. «Прочие»). № 64] в орфографии оригинала. Указания на листы даются в квадратных скобках с пометой «МДА». При отсутствии в указанном переложении необходимых для характеристики содержания *Книги о соборе* и авторского стиля Лигарида текстовых фрагментов мы привлекаем английский перевод, выполненный британским богословом У. Палмером и изданный в 1873 г. [Palmer].

вой и второй частей. Список [СПБНИИ РАН. Ф. 261 (Бумаги В. Н. Бенешевича). Оп. 1. № 8] состоит из трех частей, что соответствует греческому оригиналу. Изучение петербургского сборника показало, что его третья часть переведена с издания У. Палмера († 1879) – британского богослова и историка, автора английского переложения «Книги о соборе» [Севастьянова и др., 2022, с. 72–73].

Что касается содержания перевода на русский язык первых двух частей и предисловий к ним, то он крайне избирателен. Купированию подверглись «многоглаголения» Лигарида [Каптерев, с. 227], отвлекавшие читателя от фактологии суда над патриархом Никоном. Однако именно в раздражавших русских историков «плетениях словес» полемист являл себя неординарным писателем, обладавшим широчайшей начитанностью. Тема Античности, представленная в «Книге о соборе» многогранно и объемно, является тому подтверждением.

Единственным исследователем, который обратил внимание на увлеченность Лигарида античными образами и цитатами, была А. С. Елеонская. По наблюдениям ученого, назвавшего сочинения Газского митрополита «ранними образцами светского направления в русской публицистике XVII в.», обращение к Античности стало литературным приемом полемиста. «Паисий, – писала Анна Сергеевна, – ссылается на исторические факты из жизни древнего мира, проводит аналогии между современными и античными героями, цитирует “Омира” (Гомера), Аристотеля, Аристофана и других древних писателей. <...> Чтобы убить Никона насмешкой, Лигарид обращается к притчам Эзопа» [Елеонская, с. 42–43].

Стилистика составленных митрополитом Газским в Москве сочинений отличается плотным наполнением античного контента. Адресаты Лигарида – царь Алексей Михайлович и образованная придворная знать – во многом понимали эти аллюзии и реминисценции. Однако когда в отечественной гуманитарной науке речь заходит о широком знакомстве русской культуры второй половины XVII в. с античным наследием, справедливо мнение о «пассивной рецепции» античной литературы [Strakhov, p. 85–100]. Басни Эзопа и фрагменты из произведений Овидия, сочинения Гомера, Аристотеля, Плутарха, Гесиода, привезенные в 1653 г. с Афона Арсением Сухановым в составе почти 500 греческих манускриптов, во второй половине XVII столетия можно было найти только в Патриаршей и Типографской библиотеках, книжных собраниях Посольского и Аптекарского приказов. К произведениям древних писателей имели доступ избранные – переводчики и власть имущие. Античное наследие медленно осваивалось русской элитой, осторожно входило в придворный быт, придавая ему светский характер.

Знания античной культуры и ее реалий, которыми обладал Лигарид, получивший образование в школе св. Афанасия в Риме и имевший степень доктора богословия и философии, свободно владевший латинским языком, родным современным и классическим греческим,

сблизили его с придворными западнорусскими книжниками, пиитами и писателями. Самым известным из них был Симеон Полоцкий (1629–1680). Тема личных взаимоотношений и творческих связей Паисия Лигарида и Симеона Полоцкого – двух талантов, неоднозначно оцениваемых современниками, пока не привлекала внимание исследователей. Известно, что Лигарид и Симеон особенно сблизились в 1663–1664 гг., когда Полоцкий был толмачом с латинского языка в противостоянии митрополита и царя Алексея Михайловича с патриархом Никоном. Активизировавшееся во время подготовки суда над Никоном общение Паисия и Симеона привело не только к совместной литературно-публицистической деятельности – они, как известно, фиксируя работу Большого Московского собора (правда, разные ее направления: Паисий – о Никоне, а Симеон – о старообрядцах), находились в тесных творческих отношениях и активно помогали друг другу [Дело, с. IV], – но и вскрыло общность взглядов на письменное творчество и его задачи, очертило круг источников, среди которых особое место отводилось античным авторам и произведениям.

По наблюдениям Л. Н. Пушкарева, Симеон Полоцкий, знакомя своих адресатов с малоизвестными событиями и фактами мировой истории, преследовал мировоззренческую, проповедническую и просветительскую задачи [Пушкарев, с. 160–161]. То же понимание творчества, судя по приведенной выше цитате из монографии А. С. Елеонской, было свойственно и Паисию Лигариду. Насыщенность произведений Полоцкого и Лигарида именами представителей античной эпохи, разнообразие примеров из истории древних народов, соединение в одном контексте источников и событий разных эпох и культур – все это производило на адресата не только эмоциональное впечатление, но и сражало интеллектуально. Имея в качестве образцов и источников тем и сюжетов своих произведений труды католических священников-иезуитов [Hippisley, Luk'janova, p. 161–167; Корзо, с. 175–177], авторы сближались во взглядах на значимость античной культуры и мифологии. Осваивая античное наследие, они подготавливали ситуацию, которую С. И. Николаев, характеризуя литературную обстановку петровского времени, назвал антикизацией русской культуры [Николаев, с. 85].

Для доказательства тезиса обратимся к посвящению «Книги о соборе» царю, в котором сконцентрирован историко-литературный материал, преимущественно античного мира. При дворе Алексея Михайловича приобрели популярность книжные подношения, обязанные украинской и западно-белорусской традиции панегирических прозаических и поэтических посвящений XVI–XVII вв., укорененной в книжно-византийской культуре и риторике античной эпохи. Лигарид имел опыт издательской деятельности сначала с латинскими миссионерами в качестве проповедника Конгрегации, а затем в Валахии, готовя к публикации Кормчую на румынском языке [Горский, с. 136]. Западная традиция снабжать книги посвящениями была ему знакома.

Протягивая царю «Книгу о соборе», Лигарид называет ее «славное приношение» и просит принять «историю Никонова осуждения». Она испещрена любопытными канонами, интересными переговорами, украшена патриаршими и соборными постановлениями» [МДА. Л. 1 об.]. Обозначим три темы предисловия, раскрытие которых поможет понять цель и задачи обращения Лигарида к образам и сюжетам древней эпохи.

1. *Понимание истории как достоверного историописания с морализирующей риторикой.* Личными авторитетами в воссоздании повествовательных исторических полотен Лигарид признает афинянина Фукидида (ок. 460 – ок. 400 до н. э.), древнегреческих историков Полибия (ок. 200 – ок. 120 до н. э.) и Дионисия Галикарнасского (ок. 60 – ок. 7 до н. э.), а также писателя и философа римский эпохи Плутарха (между 45 и 50 – ок. 120), которые в своих исторических и историко-биографических сочинениях раскрывали и обосновывали одно из важнейших предназначений историка – на примерах из прошлого обучать современников нравственности и политике [РА. Л. 4; Palmer, p. 17]. Поручение Алексея Михайловича быть историографом суда над Никоном заставило Лигарида обратиться к античной традиции историописания, где достоверность и правдивость, фактологическая сухость и объективность были приоритетными задачами в построении истории, осмысляемой сквозь призму поступков отдельных личностей.

Фукидида Аттического Газский митрополит называет «правдолюбом»: «история, – цитирует митрополит древнего ученого, – есть имущество, составленное однажды навсегда, есть вѣрное зеркало человеческой жизни» [МДА. Л. 2, 2 об.]. Источник этих высказываний – в рассуждениях самого Фукидида об особом способе фиксации исторических событий, делающем историка беспристрастным, а повествование лишающем вымысла и авторских оценок [Фукидид, с. 41: I, 22, 2, 4].

Из всех назначений истории, которые «замечательный» Полибий формулирует, – иметь всеобщий характер, не развлекать, а объяснять суть явлений в их взаимосвязи и причинно-следственных отношениях, – Лигарид выделяет воспитательную функцию (παιδεία), помогающую читателю встать на путь исправления. Приписываемые им Дионисию Галикарнасскому слова о назначении истории быть учебником для политиков [Palmer, p. 17] перекликаются с убеждением Полибия о ее деловом, прагматическом характере, делающем историю изложением по преимуществу политических и военных событий [Полибий, с. 18, 148, 169–170].

Дионисий Галикарнасский определял историю как произведение, в котором органически соединены «ораторское искусство», «размышление»-«умозрение» и «наслаждение» чтением [Дионисий Галикарнасский, с. 17: I, 8, 3] – возможно, именно к этому пассажи из «Римских древностей» апеллирует Лигарид.

И «образованнейший» Плутарх признает за историей право, – говорит Паисий, – быть мудрой советчицей [Palmer, p. 17]. Идеализация

высоконравственных поступков политиков и представителей государственной власти, а также призыв оценивать их в контексте конкретной ситуации характеризуют многие «синкрисисы» философа [Аверинцев, с. 51, 82–83]. Не случайно после упоминаний о Плутархе Лигарид активно оперирует понятием «добродетель», опираясь в толковании природы этого свойства человеческой натуры на сочинения свт Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Тем самым Паисий подчеркивает целостность истории, проявляющуюся в близости отдельных социально-этических установок и практического интереса к человеческой психологии у Плутарха и поздних софистов (их мысли о человеке древнегреческий мыслитель воплощал в своих произведениях) и экзегетов христианской церкви, активно изучавших и использовавших в дидактических целях софистические умозаключения и идеи.

Целостность истории, утверждает Лигарид, скрепляется авторской беспристрастностью и бесхитростностью высказываний:

...Я научился быть правдивымъ и, далеко отстранивъ лесть, держался одной истины. Я простой безъискусственный повѣствователь, какъ видѣлъ вещи, такъ и передаю, ни прибавляя, ни убавляя. Какъ зналъ я Никона, такъ и описалъ... [МДА. Л. 2 об.]

В русском переводе XIX в. пропущена отсылка к Пифагору, советовавшему руководствоваться в изложении событий исторической правдой: «Πυθαγορικῶς ἀποφαίνομαι, καθὼς ἔγνων καὶ προέγνων τὸν Νίκωνα, οὕτω καὶ κατέγνων, καὶ περιγράφω καὶ ζωγραφῶ, κεχηρμένους ὡς βαφαῖς ταῖς λέξεσι καὶ τοῖς ῥηματισμοῖς ὡς χρώμασι, μηδὲν χαρίζομενος ἢ καὶ φιλανθρωπεύομενος» [РА. Л. 4] («Я высказываюсь как Пифагор, в соответствии с тем, что узнал о Никоне и предполагал ранее, и то, что подметил, описываю и рисую, используя как краски фразы, а как цвета – слова, ничего не приукрашивая и не любезничая»⁵). Свои устные наставления Пифагор, как известно, не записывал, а компиляции из приписываемых ему высказываний цитировали многие древние авторы, передавая собрание житейской мудрости в духе пифагорейского учения. Высказывания Лигарида близки двум приписываемым Пифагору наставлениям: «Сам же лишь то говори, что сочтешь из всего наилучшим» (26) и «И руководствуйся подлинным знанием – лучшим возничим» (69) [Пифагорейские Золотые стихи, с. 10, 12; 132–133].

Очевидно, что обращение к Античности становится для Лигарида приемом, позволяющим рассматривать описываемые события как часть мировой истории, а двух его знаменитых современников – Алексея Михайловича и Никона – как ярких представителей эпохи, чья жизнь и деяния могут стать для современников и будущих поколений поучительными примерами. Заметим, что такой же дидактический взгляд на историю был свойственен и Симеону Полоцкому,

⁵ Перевод П. А. Рылик.

который, по словам А. И. Белецкого, на «примерах добродетелей» раскрывал главную цель истории – этическую: «нравственное совершенствование читателя, и только тогда и между прочим – расширение его умственного кругозора» [цит. по: Киселева, с. 7].

2. *Понимание Античности как эпохи непревзойденного мастерства, совершенства и профессионализма.* Идеализация личного творчества характеризовала в западной культуре Нового времени научные взгляды на человеческий труд и индивидуальное мастерство. В связи с этим получили развитие идеи о мастере как сотворце Бога и о совершенстве результата творчества, обладающего качествами прекрасного и идеала – пропорцией, мерой, целостностью. Актуализировался постулат этической философии Аристотеля – калокагатия, понимаемый как естественное стремление человека к гармонии.

По-особенному эти идеи реализовал Лигарид, когда поставил свою персону в один ряд с величайшими творцами и профессионалами – художниками, скульпторами, поэтами древних веков. «Употребляя слова какъ краски», Газский митрополит сравнивает себя с Апеллесом (IV в. до н. э.) – гениальным древнегреческим живописцем, который доводил до совершенства свои работы и умело устранял собственные ошибки: «Подобно Апеллесу, охотно бы собралъ я сотоварищей по искусству и живо бы исправилъ погрѣшности, которыя они бы указали» [МДА. Л. 2 об.]. Отмечает Лигарид и близость к опыту величайшего древнегреческого скульптора Фидия (V в. до н. э.). Завершив скульптурное изображение Зевса в Олимпии – одно из семи чудес света и третье чудо света Древнего мира, мастер выставил скульптуру на всеобщее обозрение, а сам, спрятавшись в глубине храма, слушал замечания зрителей, чтобы исправить свое творение им угоду. Сопоставляет себя Паисий и с «поэтом Аскрейским» [Там же] – древнегреческим рапсодом Гесиодом (VIII–VII вв. до н. э.). Песенность и «сладкозвучность» являлись для Лигарида важными составляющими авторского самовыражения [Елеонская, с. 44]. Определяя художественные особенности своих сочинений, в послании к патриарху Никону 1662 г. он назвал их «напѣвами» и «сирийскими пѣснями» [цит. по изд. послания: Гиббенет, с. 234]. А труд над «Книгой о соборе» в предисловии к ее третьей части сравнил с работой ткача, ритмично свивающего нить, переплетающего уток идвигающего челнок, полный пряжи: «τὸν στήμονα ὑφαίνοντες καὶ πλέκοντες τὸν ἰστόν, τὴν κρόκην ἐπαυλαβόντες καὶ τὴν κερκίδα κινήσαντες τῇ ἐρίθῳ ἀνάπλεων» [цит. по изд. предисловия: Севастьянова и др., 2023, с. 53]. Повествование Лигарида, стремящегося к совершенному изложению, занимательному и соответствующему реальности, благодаря сравнениям с работами древнегреческих творцов должно было восприниматься читателем как пример высочайшего мастерства.

Восхваляя свой труд, Лигарид выстраивает ряд сравнений с произведениями мировой культуры. Это Фаросский маяк в порту Александрии, воздвигнутый талантливым военным инженером Состра-

том Книдским (IV–III вв. до н. э.), одно из семи чудес света; золотой дворец персидского царя Кира Великого (VI в. до н. э.) в Экбатанах, построенный Мемноном и ставший еще одним чудом света; статуя бога солнца Аполлона с ликом императора Нерона, созданная по приказу августейшего правителя в центре Рима древнегреческим скульптором Зенодором (I в.); храм в честь бога войны Марса в Риме, возведенный по проекту архитектора Гермодора Саламинского (II в. до н. э.) по обету консула Децима Юния Брута Каллаика (181 – после 121 до н. э.). Приведем этот замечательный отрывок:

Ἐν δὲ τῷ μεταξύ δέχου τῇ συνήθει καλοκαγαθία σου καὶ τῇ συμπαθεστάτῃ φιланθρωπία σου ταύτην τὴν ἱστορίαν μου, κατὰ αἴνῳ μὲν πρόσοψιν, δοκοῦσαν στηλιτευτικήν, κατ' ἀλήθειαν δὲ τυγχάνουσαν ἀποδεικτικήν, καθάπερ ἀμέλει φιλοφρόνως προσήκατο Πτολεμαῖος ὁ βασιλεὺς τῆς Αἰγύπτου, τὸν ἐξαίσιον πύργον, ὃν ἀνύψωσε Σωστράτος. Ὡς Μέμνων ὁ τῶν Μήδων βασιλεὺς τὸν χρυσὸν οἶκον ἠγάπησεν. Ὡς Ζηνόδωρος, ὁ τὸν κολοσσὸν τῆς Ῥόδου μηχανησάμενος εἰς τιμὴν τοῦ Ἀπόλλωνος. Ὡς ὁ Ἑρμόδωρος, ὁ τὸν θαυμαστὸν ὀβελίσκον ἐπεγειράμενος, οὓς στύλους καὶ κίονας, οὐδ' ὁ πᾶς αἰὼν ἐξαλείψαι κατίσχυσεν, ἀλλ' ἀφῆκε στεγανούς καὶ μονίμους ἄχρι τῆς σήμερον. Ἀνδριάντα ἡγοῦ τὸν ἱστορικὸν τοῦτόν μου λόγον... [ΡΑ. Л. 5].

(Но ты (царь Алексей Михайлович – С. С.) пока прими по присущей тебе доброте и сочувствующему человеколюбию эту мою историю (которая с первого взгляда кажется оскорбительной, но по правде является основанной на фактах), совсем как Птолемей, правитель Египта, безусловно, приветливо принял невиданную башню [маяк], воздвигнутую Состратом; как Мемнон, царь мидян, который высоко оценил золотой дом; как Зенодор, который создал Колосс Родосский в честь Аполлона; как Гермодор, который воздвиг удивительный обелиск, столбы и колонны которого даже вся вечность не смогла разрушить и оставила их непроницаемыми и прочными до сегодняшнего дня. Изваянием считай это мое историческое повествование...⁶)

Перечисление произведений мирового значения и название имен тех, кто поддерживал их создателей, служат Лигариду для утверждения значимости принятых Алексеем Михайловичем решений о судьбе Русской православной церкви, о суде над патриархом Никоном и о создании «Книги о соборе».

Изваянием и шедевром называет Лигарид созданный им памятник. Подобно тому, как на возведенной Аполлодором из Дамаска в 113 г. колонне на форуме Траяна в Риме текст и рельефы свидетельствуют о победе Траяна над даками, произведение Лигарида прославляет царя Алексея Михайловича, воплощающего собой добродетели и подвиги. По воле Божией, говорит Лигарид, он справился со своей задачей

⁶ Перевод П. А. Рылик.

в короткий срок, в отличие от известных античных писателей, не забывшихся о восхвалении величайших современников, – оратора Исократ (436–338 до н. э.), в течение десяти лет создававшего «Панегирик», ставший одним из шедевров аттического красноречия, и римского поэта Гая Гельвия Цинна (ок. 85–44 до н. э.), девять лет слагавшего эпиллий «Смирна» – образец высокого витийства. Пример афинского философа Платона (420-е – 348/347 до н. э.), который, как пишет Паисий, признавался скорее в преуменьшении, чем в преувеличении подвигов афинян, подтверждает невозможность очертить масштаб личности московского правителя [РА. Л. 5]. Приведенные сравнения придают московским событиям вселенский объем, а их изложение в «Книге о соборе» по весомости содержания и качеству исполнения соответствует, по мнению Лигарида, лучшим образцам мировой культуры.

Опасаясь столкновений со сторонниками Никона, Паисий вновь апеллирует к Античности, в этот раз – ко времени Древней Спарты. Он сравнивает себя с воинами, которые перед сражением, опираясь на копье и щит, произносили известную во всем мире фразу: «ἢ τὰν ἢ ἐπὶ τὰς» («С ним или на нем»). Это и другие устойчивые выражения, используемые писателем («лета Мафусаиловы», «Аргантониевы годы», «возраст Макробиев»), не только придают живость повествованию, но и доказывают умение автора органично соединять в литературно-публицистическом нарративе светские и духовные образы. Копье и щит – оружие воина – Паисий уподобляет посоху и жезлу – символическому оружию архиерея, которым тот укрепляет заблудшие души и отгоняет врагов, чьи сердца и умы поражены грехом [РА. Л. 3 об.; Palmer, p. 16].

Тему героических сражений с недоброжелателями поддерживают два ряда сравнений. Первый символизирует мужество и смелость – это ряд митрополита. Здесь Абарис, прорицатель и жрец Аполлона, который летал на волшебной стреле; Гигес – лидийский царь, обладатель волшебного кольца, делавшего его владельца невидимым; Трептолем, наделенный богиней плодородия Деметрой атрибутами земледелия – запряженной драконами крылатой колесницей и пшеничными зернами; Геракл с тяжелой дубиной, которой он, совершая свой первый подвиг, убил немейского льва; Нептун с неизменным атрибутом – трезубцем, устрещающим врагов оружием.

Второй ряд олицетворяет недоброжелательность и насмешку в поведении оппонентов. Сравнивая недругов со злыми зверями и мародерами, с шумными корибантами и неводержанными кентаврами, которых обращали в бегство лапифы, Газский митрополит находит им и другие параллели как в мифологических историях, так и среди реальных людей. Это насмешливый Мом – бог критики, лопнувший от злости, не найдя ни одного недостатка у Афродиты; угрюмый Зоил (IV в. до н. э.) – греческий философ и литературный критик, чье имя стало нарицательным для обозначения завистливого, язвительного и мелочного критикана; резкий Архилох (VII в. до н. э.) – древнегреческий поэт, прославившийся хулительными ямбами в адрес невесты

Необулы и ее отца Ликамба, разорвавших помолвку и покончивших с собой из-за позора и насмешек Архилоха; сатирик ямбограф Гиппонакс (VI в. до н. э.), который своими насмешками довел изобразивших его в карикатурном виде двух скульпторов до самоубийства.

Заключительное упоминание о греческом философе Карнеаде (214–129 до н. э.), представителе академического скептицизма (Лигарид называет себя «неким другим» Карнеадом: «καὶ ὡς ἄλλος τις Καρνεάδης» [РА. Л. 3 об.]), высвечивает еще одну грань творчества, связанную с поиском истины и определением ее критериев на пути к правде. Субъективная оценка личности патриарха Никона заставила Лигарида, боявшегося расправы над ним сторонников опального первосвященника в русской и греческой церкви, искать защиты у московского правителя. Показательными являются выстроенные Лигаридом противопоставления. Сначала двум софистам – древнегреческому философу Гиппию (IV–V вв. до н. э.), претендующему, по словам митрополита, на всезнание, а потому заслужившему эпитет «честолубивый», и «отцу риторики» Горгию (IV в. до н. э.), по замечанию Паисия, хвальному интеллект и способностью пространно рассуждать на любые темы. Затем тем, кто не силен в высоком красноречии или имеет склонность к вражде, кто злословит по зависти или глупости. Отсылка к трагику Эсхилу, воспевавшему в «Прометее прикованном» вешние дубы в Додоне, прославлявшие Ио, возлюбленную Зевса, страдавшую от ревности его супруги богини Геры [Эсхил, с. 259, стих 832], служит заключительным штрихом в выстроенной полемистом гамме его переживаний. Как и упоминания о талантливых авторах, пострадавших за личное мнение и принципиальность. Митрополит цитирует слова замешанного в придворных интригах сына македонского царя Аминты II Филиппа (V–IV вв. до н. э.) о точном именовании предметов; вспоминает о поэте Филоксене (V–IV вв. до н. э.), отправленном на каменоломню за критику дифирамбов, написанных тираном Сиракуз Дионисием I [РА. Л. 3 об. – 4].

Причисляя себя к тем, кого преследуют и наказывают за откровенность и слово без прикрас, Лигарид признается, что без заступничества русского царя он в столкновении с недругами был бы слаб и безоружен. Мысль о заботе царя о своих подданных как достоинстве правителя отчетливо звучит и в опирающихся на античное наследие рассуждениях Симеона Полоцкого о царской власти и государстве, «гражданстве» и законе [Киселев, с. 40]. Тема верного подданного, характерная для откровенных признаний Лигарида в преданности Алексею Михайловичу, раскрывается и Симеоном Полоцким, создавшим обобщенный образ «совершенного человека», важными качествами которого наравне с высокой образованностью и нравственностью он считал любовь и верность государю [Черная, с. 223].

3. *Античная риторика в восхвалении правителя.* Посвящение «Книги о соборе» Алексею Михайловичу открывается сравнением царя с первым римским императором Гаем Юлием Цезарем (63–14 до н. э.).

Восхваляя «человѣколюбивое и кроткое» «владычество» московского государя, Лигарид обнаруживает подобные черты и у римского императора Октавиана Августа: «державное» владычество и «неприкосновенность» власти, созданные «милосердием» и «благоволением», «благодушием» и «общедоступностью» двух «непобѣдимых» государей, «стяжавших» «много триумфовъ», «побѣдоносно» торжествовавших «надъ врагами видимыми и незримыми» [РА. Л. 3; МДА. Л. 1–1 об.].

Лигарид призывает русского царя быть похожим еще на одного великого правителя древности – Птолемея II, царя Египта в 285–246/245 гг. до н. э., среди заслуг которого, в первую очередь военных и политических, потомками признаются покровительство искусствам и ученым занятиям, расширение Александрийской библиотеки, ставшей при нем крупнейшим культурным и научным центром [РА. Л. 5]. Очевидно, что образцами для Алексея Михайловича – «природного наслѣдника и преемника» великих правителей древности – должны были служить те из них, кто успешно сочетал в управлении государством достоинства триумфатора, созидателя и просветителя. Примечательно использование Лигаридом традиционной риторической фигуры речи как употребление вместо имени собственного метафоры, выражающей его значение: «О будь намъ словомъ и дѣло Алѣξιος оборонителемъ, христороубцемъ, боголюбцемъ» [МДА. Л. 3].

Имя Алексей греческого происхождения и имеет корень ἀλέξω со значением защиты и отвращения зла. Лигарид умело манипулирует этой смысловесущей частью лексемы. Игры со словами и их фрагментами в посвящении царю становятся примерами популярных на средневековом Западе основанных на античной традиции грамматических упражнений и словесных соревнований, обусловленных установлением этимологии слова.

В русский перевод не вошли исследования Лигарида дериватов с корнем ἀλέξω, различающихся смысловыми оттенками. Метафорически называя царское заступничество броней и доспехами, Лигарид сначала склоняет имя царя: Ἀλεξήτικὴν σου Ἀλέξῃσιν; затем упоминает чудодейственные и целительные растения (ἀλεξίφάρμακον καὶ ἀλεξίτηριον), которые эпический поэт Никандр из Колофона (вторая половина II в. до н. э.) назвал «великой защитой»: «Τὸ δὲ τοι μεγ' ἀλέξιμον εἶτι»; вспоминает о кольцах-амулетах, изготавливаемых философом Евдемом Родосским (IV в. до н. э.) для облегчения родовых болей: ἀλεξίτηρια – ἀλέξῃσιν; ссылаясь на древнегреческого поэта Гесиода (VIII–VII вв. до н. э.), говорит о некоей земле, где можно избежать гибели – ἀλεξιάρη, и, вновь обращаясь к медицинской тематике, приводит название защищающей от укусов змей травы: ἀλεξιάρης – ἀλεξίφάρμακος. Завершает ряд дериватов лексема из высказывания Гомера о Гефесте, отказавшемся из-за своей хромоты вступить за мать, богиню Геру [Гомер, с. 41, стихи 588–589]: «ἄλλοτ' ἀλεξέμεναι μεμαῶτα», где корень ἀλέξω раскрывает высокое предназначение правителя быть защитником отдельного человека и целых народов [РА. Л. 4 об. – 5].

Обыгрывание имени Алексей в данной содержательной парадигме соответствовало литературно-художественным и политико-идеологизированным настроениям современности Лигарида. Тема «непобѣдимый Государь», «побѣдоносно восторжествовавший надъ врагами», была традиционной в адресованных Алексею Михайловичу приветствиях в прозе и виршах. Приобретшая особую популярность в среде русского правительства идея вселенской миссии православного царя как освободителя православных народов от иноверцев органично слилась с образом Алексея Михайловича как освободителя православных христиан и Константинополя от турецкого ига, которая настойчиво звучала в многочисленных нарративах, приходивших из греческого мира. «Всеvyšний избралъ тебя спасителемъ и избавителемъ погибшей Эллады», – писал и сам Газский митрополит [МДА. Л. 3]. В личности Алексея Михайловича современники видели реализацию Божественной миссии, возложенной на православное царство в рамках мессианской идеи о роли и значении Москвы как наследницы Рима.

Тема освободительной миссии русского царя раскрыта еще в одном упражнении. Рассуждая об этимологии имени Алексей, Лигарид разбил слово на буквы и для каждой подобрал новую лексему. Получилась фраза примерно следующего содержания: носитель имени Алексей достойно будет владеть свободным народом и сокрушит губительного измаильтянина. Способ, к которому прибегнул автор, не имеет аналогов в русской культуре, зато под названием «экспозиция» или «композиция» известен на средневековом Западе. Суть метода состояла в «наращении» каждого слога или буквы, которые в него входят, благодаря чему «ученые надеялись лучше объяснить слова, лучше уловить их сокровенный смысл... превзойти уровень буквы и достичь уровня духа, найти по ту сторону буквального смысла слова его духовный и мистический смысл» [Гене, с. 214–215, 217].

Уместно напомнить, что и Симеон Полоцкий неоднократно обыгрывал этимологию имени Алексей через имя его небесного патрона – Алексея, человека Божия, поддерживая таким образом возникшую в середине XVII в. «восточнославянскую Алексиаду» и создавая лестный для царя аллюзийный образ [см.: Сазонова, с. 430–438]. Упомянем и тот факт, что в споре о власти между «царством» и «священством» Полоцкий безоговорочно принял сторону Алексея Михайловича. В российском правителе он, как и его современники греки, уже в первой своей декламации, прочитанной 19 января 1660 г. на чистом славянском языке, обозначил важнейшую черту – вселенскость и подчеркнул вклад русского царя в создание вселенского православного царства [Еремин, с. 357].

* * *

Игры в этимологию, жонглирование буквами и словами, акростишное «наращение» и риторические изыски, «музыкальность»

и «красочность» изложения, прекрасный литературный язык – все эти приемы риторической культуры, виртуозное владение которыми демонстрировал Газский митрополит, способствовали восприятию его в России как образованнейшего человека и самобытного автора, талантливого ученого и блестящего витии, владевшего широким диапазоном ораторских возможностей и богатым спектром коммуникативных техник. Обращение к античному наследию позволило Лигариду выразить свою позицию в вопросе разделения властей, свидетелем и участником разрешения которого он стал в России. Поддерживая московского царя в его претензии на абсолютную власть, Лигарид подбирал для Алексея Михайловича образцы великих правителей древности, удачно сочетавших в правлении военные успехи, созидание и просвещение. Подхватив популярную в XVII в. идею о вселенской миссии царя Алексея Михайловича как освободителя православных народов от иноверцев, Лигарид успешно развил ее, используя в рассуждениях об этимологии имени Алексей разнообразные технические средства и риторические приемы. Аппелируя к Античности и побуждая тем самым русскую элиту к более широкому знакомству с античным наследием, Лигарид вносил свой вклад в европеизацию придворной культуры.

Рассматривая посвящение царю в традиции книжных подношений правителю, следует отметить общность тем и образов античной культуры во вступительном разделе «Книги о соборе» Лигарида и виршах Симеона Полоцкого. Это мысль о заступничестве и заботе царя о своих подданных как главном достоинстве правителя; обращение к личностям и деяниям египетских и древнеримских царей как успешным примерам сочетания в правлении разных видов деятельности на благо государства; упоминания о семи чудесах света и восхваление древних профессионалов в разных областях искусства; просветительская миссия правителя и покровительство ученым занятиям. Близки взгляды Симеона и Паисия на историю, реализующую в первую очередь этическую задачу нравственного воспитания читателя. Очевидна близость взглядов двух авторов на значение древней культуры для русского общества как важной составляющей в его просвещении и сближении с западной цивилизацией, включении в европейскую интеллектуальную традицию.

Посвящение царю, открывающее «Книгу о соборе», есть миниатюрное отражение литературных навыков и умений Паисия Лигарида, его богатого творческого опыта и незаурядного воплощения. Чрезвычайно насыщенный образами и реалиями античной культуры, этот вступительный раздел помогает понять значение, какое придавал Газский митрополит Античности. Интерес к классической эпохе, ярко выразившийся в письменном наследии Лигарида московского периода жизни, сделал его невольным участником процесса создания условий для «нового русского государственного космоса», выстроенного впоследствии императором Петром I [Приказчикова,

с. 102]. Во второй половине XVII в. в России, когда по-особому переосмыслились и получали оригинальное преломление классические образы, символы и смыслы, Античность, по словам, адресованным В. М. Живовым и Б. А. Успенским к русской культуре XVIII в., «выступала как средство перевоспитания русского общества» [Живов, Успенский, с. 484]. «Книга о соборе» Газского митрополита Паисия Лигарида и ее вступительная часть – яркое тому подтверждение.

Библиографические ссылки

Аверинцев С. С. Плутарх и античная биография : К вопросу о месте классика жанра в истории жанра. М. : Наука, 1973. 279 с.

Библиотека Румынской академии. № 371 (675). 159 л.

Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада / пер. с фр. Е. В. Баевской, Э. М. Береговской. М. : Языки славян. культуры, 2002. 491 с.

Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона : [в 2 ч.]. СПб. : Тип. М-ва внутренних дел, 1882–1884. Ч. 1. 282 с.

Гомер. Илиада / пер. с древнегреч. Н. Гнедича. М. : Худож. лит-ра, 1978. 534 с.

Горский А. В. Несколько сведений о Паисии Лигариде до прибытия его в Россию // Прибавления к творениям святых отцов. 1862. Ч. 21, кн. 1. С. 133–148.

Дело о патриархе Никоне / изд. Археографической комиссии. СПб. : Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1897. XXXII, 453, 21 с.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности : в 3 т. М. : Рубежи XXI, 2005. Т. 1. 272 с.

Елеонская А. С. Русская публицистика второй половины XVII века. М. : Наука, 1978. 272 с.

Еремин И. П. «Декламация» Симеона Полоцкого // Труды Отдела древнерусской литературы. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1951. Т. 8. С. 354–361.

Живов В. М., Успенский Б. А. Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII вв. // Из истории русской культуры XVIII – начала XIX в. : в 5 т. М. : Школа «Языки рус. культуры», 1996. Т. 4. С. 449–536.

Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад : в 2 т. Сергиев Посад : Тип. Св.-Троицкой Сергиевой Лавры, 1915. Т. 2. 618 с.

Киселев М. А. Плутарх при дворе царя. «Гражданство» Симеона Полоцкого и легализм в России накануне петровских реформ // Диалог со временем. 2020. Вып. 73. С. 36–48. DOI 10.21267/AQUILO.2020.73.73.036.

Киселева М. С. Священная и гражданская история в контексте книжной барочной проповеди: к вопросу об истоках исторического знания в России // Vox. Филос. журн. : [электрон. журн.]. 2014. № 17. С. 1–24. DOI 10.24411/2077–6608–2014–00003. URL: <https://vox-journal.org/html/issues/280/293> (дата обращения: 06.03.2023).

Корзо М. А. О католических источниках православной письменности в России второй половины XVII века // Canadian-American Slavic Studies. 2020. Т. 54, № 1–3. С. 170–197. DOI 10.30965/22102396–05401009.

Николаев С. И. Первая четверть XVIII в.: эпоха Петра I // История переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век : в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 1995. Т. 1. С. 74–93.

ОР РГБ. Ф. 172 (МДА. Архив). № 22; Ф. 173.IV («Прочие» библиотеки МДА). № 64, 69.

Пифагорейские Золотые стихи с комментарием Гиерокла / пер. с древнегреч. И. Ю. Петер. М. : Алетей : Новый Акрополь, 2000. 160 с.

Полибий. Всеобщая история в сорока книгах : [в 3 т.] / пер. с греч. Ф. Г. Мищенко. СПб. : Наука, 2005. Т. 1. 500 с.

Приказчикова Е. Е. Античность в литературном и бытовом сознании XVIII – 1-й трети XIX в. через призму мифориторической культуры // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2009. № 1/2 (63). С. 102–113.

Пушкарёв Л. Н. Общественно-политическая мысль России (вторая половина XVII в.). М. : Наука, 1982. 288 с.

Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М. : Языки славян. культур, 2006. 896 с.

СПБИН РАН. Ф. 261 (Бумаги В. Н. Бенешевича). Оп. 1. № 8.

Севастьянова С. К., Рылик П. А., Бондач А. Г. Сочинение Газского митрополита Паисия Лигарида о суде над патриархом Никоном: проблемы исследования и перевода // Сиб. филол. журн. 2022. № 3. С. 65–78. DOI 10.17223/18137083/80/7.

Севастьянова С. К., Рылик П. А., Бондач А. Г. Неизвестные страницы сочинения Газского митрополита Паисия Лигарида о суде над патриархом Никоном. Предисловие к третьей части // Герменевтика древнерусской литературы. 2023. Сб. 22. С. 29–63. DOI 10.22455/HORL.1607-6192-2023-22-29-63.

Фукидид. История / пер. с греч. Ф. Г. Мищенко и С. А. Жебелева. СПб. : Наука : Ювента, 1999. 604 с.

Черная Л. А. Концепция личности в русской литературе второй половины XVII – первой половины XVIII в. // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII – начала XVIII в. М. : Наука, 1989. С. 220–232.

Эсхил. Трагедии / в пер. Вяч. Иванова. М. : Наука, 1989. 609 с.

Hippisley A., Luk'janova E. Simeon Polockij's Library : A Catalogue. Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau, 2005. 234 p.

Palmer W. The Patriarch and the Tsar : [6 vols.]. L. : Trubner and Co., 1871–1876. Vol. 3. P. 1–311.

Strakhov O. Antiquity and Muscovite Traditionalists in the Seventeenth Century // Palaeoslavica. 1999. Vol. 7. P. 80–115.

References

Aeschylus. (1989). *Tragedies* [Tragedies] / transl. by Vyach. Ivanov. Moscow, Nauka. 609 p.

Averintsev, S. S. (1973). *Plutarkh i antichnaya biografiya: K voprosu o meste klassika zhanra v istorii zhanra* [Plutarch and Ancient Biography: On the Place of the Classic of the Genre in the History of the Genre]. Moscow, Nauka. 279 p.

Biblioteca Rumynskoï akademii [Library of the Romanian Academy]. No. 371 (675). 159 p.

Chernaya, L. A. (1989). Kontseptsiya lichnosti v russkoi literature vtoroi poloviny XVII – pervoi poloviny XVIII v. [The Concept of Personality in Russian Literature of the Second Half of the 17th – First Half of the 18th Centuries]. In *Razvitie barokko i zarozhdenie klassitsizma v Rossii XVII – nachala XVIII v.* Moscow, Nauka, pp. 220–232.

Delo o patriarkhe Nikone [The Case of Patriarch Nikon] / publ. by Archaeographical Commission. (1897). St Petersburg, Tovarishchestvo “Pechatnaya S. P. Yakovleva”. XXXII, 453, 21 p.

Dionysius of Halicarnassus. (2005). *Rimskie drevnosti v 3 t.* [Roman Antiquities. 3 Vols.]. Moscow, Rubizh XXI. Vol. 1. 272 p.

Eleonskaya, A. S. (1978). *Russkaya publitsistika vtoroi poloviny XVII veka* [Russian Journalism of the Second Half of the 17th Century]. Moscow, Nauka. 272 p.

Eremin, I. P. (1951). “Deklamatsiya” Simeona Polotskogo [“Recitation” by Simeon Polotsky]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 8, pp. 354–361.

Gene, B. (2002). *Istoriya i istoricheskaya kul'tura srednevekovogo Zapada* [History and Historical Culture of the Medieval West] / transl. by E. V. Baevskaya, E. M. Beregovskaya. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 491 p.

Gibbenet, N. (1882). *Istoricheskoe issledovanie dela patriarkha Nikona v 2 ch.* [Historical Study of the Case of Patriarch Nikon. 2 Parts]. St Petersburg, Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del. Part 1. 282 p.

Gorskii, A. V. (1862). Neskol'ko svedenii o Paisii Ligaride do pribytiya ego v Rossiiu [Some Information about Paisius Ligarid before His Arrival in Russia]. In *Pribavleniya k tvoreniiyam svyatykh ottsov*. Part 21. Book 1, pp. 133–148.

Hippisley, A., Luk'janova, E. (2005). *Simeon Polockij's Library. A Catalogue*. Köln, Weimar, Wien, Böhlau. 234 p.

Homer. (1978). *Iliada* [Iliad] / transl. by N. Gnedich. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 534 p.

Kapterev, N. F. (1915). *Patriarkh Nikon i tsar' Aleksei Mikhailovich v 2 t.* [Patriarch Nikon and Tsar Alexei Mikhailovich. 2 Vols.]. Sergiev Posad, Tipografiya Svyato-Troitskoi Sergievoi Lavry. Vol. 2. 618 p.

Kiselev, M. A. (2020). Plutarkh pri dvore tsarya. "Grazhdanstvo" Simeona Polotskogo i legalizm v Rossii nakanune Petrovskikh reform [Plutarch at the Court of the King. "Citizenship" of Simeon Polotsky and Legalism in Russia on the Eve of the Petrine Reforms]. In *Dialog so vremenem*. No. 73, pp. 36–48. DOI 10.21267/AQUILO.2020.73.73.036.

Kiseleva, M. S. (2014). Svyashchennaya i grazhdanskaya istoriya v kontekste knizhnoi barokhnoi propovedi: k voprosu ob istokakh istoricheskogo znaniya v Rossii [Sacred and Civil History in the Context of Baroque Book Preaching: On the Question of the Origins of Historical Knowledge in Russia]. In *Vox. Filosofskii zhurnal* [electronic journal]. No. 17, pp. 1–24. DOI 10.24411/2077–6608–2014–00003. URL: <https://vox-journal.org/html/issues/280/293> (accessed: 06.03.2023).

Korzo, M. A. (2020). O katolicheskikh istochnikakh pravoslavnoi pis'mennosti v Rossii vtoroi poloviny XVII veka [Catholic Sources of the Russian Orthodox Literature of the Second Half of the 17th Century]. In *Canadian-American Slavic Studies*. Vol. 54. No. 1–3, pp. 170–197. DOI 10.30965/22102396–05401009.

Nikolaev, S. I. (1995). Pervaya chetvert' XVIII v.: epokha Petra I [The First Quarter of the 18th Century: The Era of Peter I]. In *Istoriya perevodnoi khudozhestvennoi literatury. Drevnyaya Rus'. XVIII vek v 2 t.* St Petersburg, Dmitrii Bulanin. Vol. 1, pp. 74–93.

OR RGB [Department of Manuscripts of the Russian State Library]. Stock 172 (MDA. Arkhiv). No. 22; Stock 173.IV ("Prochie" biblioteki MDA). No. 64, 69.

Palmer, W. (1871–1876). *The Patriarch and the Tsar. 6 Vols.* L., Trubner and Co. Vol. 3, pp. 1–311.

Pythagoreiskie Zolotyie stikhi s kommentariem Gierokla [Pythagorean Golden Verses with a Commentary by Hierocles] / transl. by I. Yu. Peter. (2000). Moscow, Aleteiya, Novyi Akropol'. 160 p.

Polybius. (2005). *Vseobshchaya istoriya v soroka knigakh* [General History in 40 Books] / transl. by F. G. Mishchenko. St Petersburg, Nauka. Vol. 1. 500 p.

Prkazchikova, E. E. (2009). Istinnost' v literaturnom i bytovom soznanii XVIII – 1-i treti XIX v. cherez prizmu miforitoricheskoi kul'tury [Antiquity in the Literary and Everyday Consciousness of the 18th – First Third of the 19th Centuries through the Prism of Mythological Culture]. In *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. No. 1/2 (63), pp. 102–113.

Pushkarev, L. N. (1982) *Obshchestvenno-politicheskaya mysl' Rossii (vtoraya polovina XVII v.)* [Social and Political Thought of Russia (Second Half of the 17th Century)]. Moscow, Nauka. 288 p.

Sazonova, L. I. (2006). *Literaturnaya kul'tura Rossii. Rannee novoe vremya* [Literary Culture of Russia. Early Modern Times]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 896 p.

Sevastyanova, S. K., Rylik, P. A., Bondach, A. G. (2022). Sochinenie Gazskogo mitropolita Paisiya Ligarida o sude nad patriarkhom Nikonom: problemy issledovaniya i perevoda [The History of Patriarch Nikon's Trial Written by Paisius Ligarides, Metropolitan of Gaza: Research and Translation Issues]. In *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. No. 3, pp. 65–78. DOI 10.17223/18137083/80/7.

Sevastyanova, S. K., Rylik, P. A., Bondach, A. G. (2023). Neizvestnye stranitsy sochineniya Gazskogo mitropolita Paisiya Ligarida o sude nad patriarkhom Nikonom. Predislovie k tret'ei chasti [Unknown Pages of the Essay of Metropolitan Paisius Ligarid of Gaza about the Trial of Patriarch Nikon. Preface to the Third Part]. In *Germeneytika drevnerusskoi literatury*. Vol. 22, pp. 29–63. DOI 10.22455/HORL.1607–6192–2023–22–29–63.

SPbII RAN [St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences]. Stock 261 (Bumagi V. N. Beneshevicha). List 1. No. 8.

Strakhov, O. (1999). Antiquity and Muskovite Traditionalists in the Seventeenth Century. In *Palaeoslavica*. Vol. 7, pp. 80–115.

Thucydides. (1999). *Istoriya* [History] / transl. by F. G. Mishchenko, S. A. Zhebelev. St Petersburg, Nauka, Yuventa. 604 p.

Zhivov, V. M., Uspensky, B. A. (1996). Metamorfozy antichnogo yazychestva v istorii russkoi kul'tury XVII–XVIII vv. [Metamorphoses of Ancient Paganism in the History of Russian Culture in the 17th–18th Centuries]. In *Iz istorii russkoi kul'tury XVIII – nachala XIX v. v 5 t.* Moscow, Shkola “Yazyki russkoi kul'tury”. Vol. 4, pp. 449–536.

The article was submitted on 01.04.2023